

Национализм и насилие языка.

Национализм возникает тогда, когда кто-то начинает заблуждаться по поводу того, что представляет, в чем заключается его особенность, когда он полагает, что обладает отличительным свойством, которое для него абсолютно ясно. Он осознает себя тождественным и заботится о том, чтобы обозревая "свой остров", все было явлено взгляду. Условием национализма является уверенность в абсолютной определенности того, что значат имена, которые приписываются себе: французы, немцы, русские и т. д.

Уникальность, которая в этих значениях обнаруживается, воспринимается как нечто очевидное и непосредственно данное. Насилие национализма представляет месть имен и культурных значений тем, кто думает, что знает, что они значат. Таким образом, в национализме выражается насилие в его существе как насилие значений.

Под вопросом находится привязанность к собственным культурным корням, потому что очевидность тех культурных выражений, которые приписываются повсюду людьми как нечто само собой разумеющееся и считается чем-то природным, оказывается иллюзорной. Нехватка ясности сингулярности находится в прямой зависимости от потаенности смысла этой привязанности или укоренения. Привязанность к собственным корням определяется культурными значениями или символическими выражениями, которые присваиваются вместе с усвоением требований и правил сначала семья, а потом и сообщества. В них входят слова, вещи, имена, обычаи, родственные связи, правила и мораль общества, долг, образующие то пространство значений, среди которых пребывает человек. Они приковывают к месту, но не сообщают, что это значит. Другими словами они совершенно глухи к вопросу, почему они владеют человеком и требуют соблюдения долга и верности корням, в чем их подчиняющая сила. Следовательно, загадка привязанности позволяет говорить о насилии этих значений. Это связано также с вопросом об обладании над собственными выражениями. Например, я обладаю именем или имя властвует надо мной. Имя выделяет, но не говорит, что значит быть особенным.

Символические выражения культуры, к которой привязан человек строги к своему соблюдению и иногда требуют умереть за них. Они представляют безоговорочные заповеди, которым должна посвящаться жизнь. Они обязывают каждого следовать им взамен того, что дают точку опоры в качестве собственного я, которое вырастает из символических выражений, но при этом надо помнить, что не только из них. Может быть, прикованность зависит от этой строгости, потому что она обладает силой привязывать человека к одним установлениям, закрывая путь к тем, которым следуют другие. Вопрос в том, почему именно к одним, а не к другим, остается без ответа.

Кажется, что существо национализма коренится если не в невозможности, то, по крайней мере, в затруднении ответить на это "почему". Этому препятствует в первую очередь уверенность в опоре на иллюзорные очевидности, открываемые субъективным мышлением, на которую полагаются, не задавая лишних вопросов. Укоренение, привязанность еще что-то в себе скрывает, потому что соответствует структуре сингулярности, которая превосходит мышление.

Тема сингулярности и собственности - это одна из тем философии Деррида. У него рассуждение о сингулярности согласуется с общим направлением движения его философии и главной темы, с которой все остальные находятся в зависимости - темой письма. Вероятно, если обратиться к

размышлениям Деррида, касающимся собственного, сингулярность еще как-то себя покажет и приоткроются возможности национализма.

Деррида в своей книге “О грамматологии” исследует опыт столкновения этнографа с первобытной культурой, описанный у Леви-Стросса. Этот эпизод сообщает об изначной стороне тех взаимоотношений, которые происходят между культурами и народами. К нему важно обратиться еще и потому, что здесь переплетается тема собственного и тема насилия, не случайно, но с указанием на их существенную сопричастность. Деррида говорит, что Леви-Стросс указывал на особенность некоторых обществ накладывать запрет на использование собственных имен. Через табу осуществляется первое насилие как вычеркивание имен, которое вступает в обращение. Но это насилие уже существует в языке.

Собственного не существует прежде вычеркивания. Следовательно, собственность уже несет в себе несобственность, потому что собственное появляется благодаря стиранию имени. Для Деррида возможность собственного имени определяется в системе различий, что говорит о том, что собственность больше или меньше, чем наличное, оно превосходит самодостаточность и самоотждественность или, другими словами, у собственности полнота недосыгаема.

Вычеркивание и позволяет прочесть имя. И запрет здесь существенной роли не играет. “И отсутствие запрета, и наличие запрета равно предполагают эту основоположную ступешанность. Отсутствие запрета, осознание или показ собственного имени позволяют восстановить или же вновь обнаружить неустранимую сущностную несобственность. Когда в нашем сознании имя называется собственным, оно тем самым уже классифицируется и ступешивается в этом самоназывании. Оно становится чем-то большим, нежели так называемое собственное имя” (Ж. Деррида О грамматологии М.: Ad Marginem, 2000, с. 252.)

Это относится к вопросу о тайне имени, которое выделяет каждого из множества других, но не сообщает, что значит быть особенным. Это говорит лишь о том, что сингулярность невозможно засвидетельствовать в качестве наличного.

Деррида обнаруживает, что уже Леви-Стросс пришел к выводу о невозможности именованья. При распределении имен осуществляется классификация себя самого и другого. Имя выступает с одной стороны опознавательным признаком при идентификации и подтверждает, что именуемый индивид принадлежит к определенной социальной группе или обладает отличительным статусом. В другом случае через присвоение имени другому выражают изменение внутри собственной субъективности. Отсюда следует, что под видом именованья происходит идентификация другого и себя через другого. То, что подразумевается под именованьем проявляет себя как классификация. Именованье невозможно, ибо называние и показ имени указывает не на особенность, а указывает место в системе классификаций.

Осуществляется замена имени собственного на множество значений, которые содержат в себе социальные роли, положения, статусы, и все отличительные признаки, накапливающиеся по мере вовлечения человека в жизнь культуры. Все они восполняют нехватку собственности, замещают или подменяют ее, потому что вписаны в систему различий.

Насилие национализма имеет глубокие корни. Желание доказывать другим собственное превосходство происходит от тревоги, которая идет от осознания невозможности своей сингулярности, своего подлинного имени и свойства. По Деррида виной этому выступает изначальное насилие письма. “Ведь письмо как

стусывание “собственного” в игре различий есть изначальное насилие само по себе; чистая невозможность “звательной точки”, невозможная чистота звательности... Смерть названия в абсолютном, собственном смысле, признание в языке другого как чистого другого, вызывающая к другому как таковому, - это смерть чистой идиомы, именуемой нечто уникальное”.(Ж. Деррида О Грамматологии М.: Ad Marginem, 2000, с. 253.) Это насилие языка, который и есть письмо.

Это насилие открывается в опыте встречи с другим народом, когда в размеренную жизнь общества, осуществляющуюся согласно собственным ритмам, вступает чужеземец. Однако это совсем не значит, что насилие приносит с собой чужак, нарушая естественный ход сложившихся внутри отношений. Насилие уже существует прежде встречи, нарушения естественного порядка. Более того, порядок указывает на насилие, потому что он представляет систему классификаций, разграничений функций между индивидами, разделение прав и обязанностей, наставления и запреты, т.е. все границы и переходы в замкнутой структуре социальной организации. Это насилие есть диктат значений, ибо согласно им каждый занимает определенное место. Насилие скрыто, но открывает все свои возможности в присутствии чужого.

Деррида описывает историю наблюдений Леви-Стросса в одном из первобытных племен, у которых запрещалось использовать имена собственные. Случай, произошедший с этнографом, показывает какие формы принимает насилие языка. Любой конфликт между членами семьи или друзьями, кому собственные имена известны, может превратиться в настоящую войну имен собственных. Самая страшная месть обидчику - это разглашение его имени постороннему, что влечет раскрытие его тайны, обнажение собственного и незащищенность перед вредным воздействием на него магических сил, которым подчинена судьба этих людей. Леви-Стросс использовал эту особенность поведения для того, чтобы узнать все собственные имена представителей племени. Эти имена, конечно, не собственные в полном смысле этого слова, ибо собственность скрыта. Эти имена, как говорилось, обнаруживают классификацию и принадлежность к общественной группе, вписанность в систему языковых и социальных различий.

История Леви-Стросса интересна тем, что показывает как обнаруживается насилие значений, которое скрыто осуществляет воспроизводство общества, его внутренние и внешние связи с другими. Насилие разоблачает вмешательство чужого. При этом надо учитывать, что случай произошел в традиционном обществе, где внутреннее все еще имеет, удерживает и сохраняет свои границы и отстраняется от чуждого внешнего мира и посторонних других, потому что только с этих позиций история сообщает еще и о некоем вероломстве и хитрости чужеземца, который воспользовался наивностью коренных жителей и выведал их самые сокровенные тайны.

По Деррида насилие, таким образом, появляется вместе с языком, точнее говоря вместе с именем. “Именованье, давание имена, которые иногда будут запрещено произносить, - таково первоначальное насилие языка, или, иначе говоря, вписывание в различие, в классификацию, приостановка абсолютной звательности”.(Ж. Деррида О Грамматологии М.: Ad Marginem, 2000, с.254.) Это так называемое “прото-насилие” или жест “прото-письма”, которое сообщает об утрате собственного или его невозможности в качестве обнаруженного смысла или наличия. За ним следует второе насилие, которое возмещает утрату собственного тем, что устанавливает защиту для тайны, предписывая ее раскрытие

и подмену другими именами, сообщающими признаки: внешние, социальные, культурные. Угроза, которую видят в присутствии других, представляет страх вторжения в священную тайну, к которой люди стремятся и получают отказ в допуске, поэтому ей не владеют и боятся, что ее украдут. При этом каждая культура заинтересована в том, чтобы похитить секреты другой. Так открывается возможность для третьего насилия, которое приходит вместе со всем тем, что называется злом, войной, вероломством и вмешательством. Третье насилие заключается в том, чтобы раскрыть насильственно имя собственное, отобрав или похитив его у других. К этому имеет отношение и иллюзия господства, для удержания которой требуется угнетение других.

В современном обществе национализм предполагает враждебное отношение к другим, под которыми подразумеваются иностранцы или не граждане. Понятие иностранец ничего не говорит о физических характеристиках, присущих индивидууму. Все, кто не является гражданами называются иностранцами. Иностранцы не являясь гражданами не разделяют права и обязанности и не участвуют в общественной жизни. В их присутствии видят угрозу сложившимся устоям и порядку, который оберегает нечто сокровенное, собственную тайну народа, в которую он погружен, где укоренен.

Каждому гражданину, являющемуся таковым по праву рождения в определенном месте по воле случая вменяется заботится о сохранении связи с корнями, с собственной историей народа, в которой хранится и прячется его потаенная подлинность, вдохновляющая последующие поколения на новые дела во имя родины. Эта вовлеченность в собственную тайну и есть укорененность, эгоцентризм, и субъективизм культуры и составляет самосознание нации.

Но потаенность собственной подлинности указывает на невозможность наличия собственной сингулярности или сознания народами смысла своих имен: русские, немцы, французы, и т.д. Иначе говоря, субъективность вопреки неистовому самоутверждению своей тождественности уже разделена, нетождественна, потому что сингулярность - это ничто, структура восполнений, замен, подмен. Собственность возмещается вписанностью в культурный контекст, посвящением в мир, усвоением его правил и ролей. Вместе с тем сингулярность нельзя полностью возместить. Поэтому нельзя избавиться от собственного террора внутри себя, порожденного первым насилием языка или письма, стирающие настоящие имена. Это приводит к неистовству субъективности, которая обращается против других, порождающая вместе с тем и враждебность к другим народам, на которых переносится вина за то, что их присутствие угрожает возможностью смешаться с ними и совсем потерять свою ненадежную обособленность и свободу.

Образуется защитная структура самововлечения, представляющая императивы, принципы, безоговорочные заповеди, мораль, заветы, законы, правила семьи, наставления и другие руководства по жизни, которым как правило слепо следуют, подчиняя свое поведение. Можно сказать, что ими отмечены поступки каждого, в них находят точку опоры, согласно им каждый формирует собственный образ, тот человеческий облик честного и достойного гражданина, о котором заботятся и боятся потерять лицо. В этих принципах заключается структура отсылок к собственному особенному я, представление о своей свободе. Соблюдение принципов говорит о высоком уровне самосознания, но кроме того и об уровне эгоцентризма.

Поэтому эти установления отличаются строгостью. Им посвящаются жизни и за них всегда готовы умереть. Строгость этой структуры состоит в том,

что ее принципы не могут быть замещены другими. Так как они служат свойствами всего отличающего, поэтому дают точку притяжения, опору и почву под ногами. И все-таки это не отвечает полностью на вопрос: в чем заключается подчиняющая сила принципов? Они обеспечивают связь с корнями народа, без которой не мыслится вписанность в мир. В них заключена сила посвящения, которая обращает его к прошлому, к наследию, к преданию, к тем изначальным символам, значениям, приобретенным его предками в контакте с богами, давшими первые слова и имена, которые положили начало культуры. Эти заповеди, несущие в себе отпечатки тех первых слов, которые вызывают трепет, имеют значимость следа, который отсылает к священному или безымянно божественному. О священном говорят Хайдеггер и Левинас.

Мысль Хайдеггера говорит не о том священном, которое принадлежит религии, либо теологии. Это священное изначальный опыт божественного, предшествующий всякому безусловному почитанию любых идеалов: этических, эстетических, политических. Священным определяется любое соблюдение культа. К нему обращена всякая культура. В священном заключено все, что свято для человека. По большому счету нет людей, у которых нет ничего святого, потому что священным отмечено чувство собственного я, достоинство каждого и особенно те структуры, на которое они опирается. Это чувство питает и патриотические страсти. Отношение к этим структурам всегда подобно обращению к божественному. Отношение к священному представляет первобытное чувство, которое неистребимо пребывает в человеке.

По Хайдеггеру, божественное, не будучи ни понятием, ни реальностью, должно дать к себе доступ посредством близости. Священное это “единственное по своей сущности пространство божественного, которое одно только может открыть дверь Богу или богам... Только из истины Бытия можно мыслить сущность Священного. Только из сущности Священного можно мыслить Божественное. И только в свете сущности божественного можно помыслить то, что значит слово “Бог” (М. Хайдеггер Письмо о гуманизме// Время и бытие М.: Республика, 1993). Священное, божественность - ничто, и проявляются через близость, ибо священное является направлением к высоте и приковывает внимание, отсылает к другому. Священное являет, скрывая. Следуя этой логике, священное чувство патриота, выражает скорее привязанность к истории и судьбе собственного народа, которая возможно только совместно с другими народами, чем культ места с сопровождающим его отстранением от других и предохранением от их вмешательства. Патриотизм заключается в соучастии в судьбах народов, ибо история - это бытие с другими.

Священное имеет отношение к именованию бога и обращение к священному предшествует не только призыву бога, но и его называнию. У народов различные выражения бытия, разнообразные имена богов, но понимание священного их сближает. Близость к бытию, вероятно, определяет всякое взаимопонимание. “Онтологическое предвосхищение, трансценденция к бытию позволяет нам, следовательно, понимать друг друга, когда мы, например, говорим слово “Бог”, даже если это понимание - всего лишь эфир, в котором может прозвучать разногласие. Эта трансценденция обитает в каждом языке и основывает его, а вместе с ним и возможность бытия-вместе, возможность *Mitsein*, которое гораздо старше тех случайных форм, вроде солидарности, команды или приятельства, с которыми его хотели смешать”. (Ж. Деррида Насилие и метафизика // Письмо и различие М.: Академический Проект, 2000, с. 220.)